

Вариативность, продолжение и серийность анекдотов: проблемы построения базы данных

Variation, continuation, and seriality of jokes: problems of database construction

Шмелёва Е. Я. (eshkind@mail.ru),

Шмелёв А. Д. (shmelev.alexei@gmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

В статье рассматриваются различные виды вариативности анекдотов, а также ин-тертекстуальные связи между анекдотами. Обсуждаются такие явления, как реализация анекдота, вариант анекдота, продолжение анекдота, модификация исходного анекдота, добавление к анекдоту, серия анекдотов, цикл анекдотов.

1. Вступительные замечания

В ряде докладов на конференции «Диалог», начиная с 1998 года, мы обсуждали различные проблемы, возникающие при создании и индексации базы данных русских (советских и постсоветских) анекдотов. В настоящей статье речь пойдет о вариантах анекдотов, сериях и циклах анекдотов и анекдотах, в которых происходит постепенное увеличение числа персонажей или событий.

Поскольку анекдот — это устный фольклорный жанр, отдельной задачей является выявление «канонического» текста анекдота, который и должен быть представлен в базе данных. «Канонический» текст анекдота практически всегда несколько отличается от реализации этого текста в конкретном речевом действии (при рассказывании анекдота). Но во многих случаях эти отличия не осознаются носителями языка. Например, если один рассказчик рассказывает анекдот, начиная его предложением с глаголом в настоящем времени (*приходит муж с работы, а у жены любовник*), а другой рассказчик рассказывает этот же анекдот, начиная его предложением с глаголом в прошедшем времени (*пришел муж с работы, а у жены любовник*), это, как правило, не ощущается слушателями как варьирование. Такое незначущее (свободное) варьирование анекдотов в базе данных не отражается. В этом случае в базе данных дается максимально нейтральный текст, очищенный от индивидуальных особенностей реализации текста анекдота в том или ином речевом действии¹.

¹ Этой тактики мы старались придерживаться в своей книге [Шмелева, Шмелев 2002: 47–63]. Единственное

Лишь варианты анекдотов, которые осознаются носителями языка как таковые, подаются в базе данных как варианты, (напр., анекдот поручике Ржевском, который меняет носки «только на водку», и об украинце, который меняет носки «тильки на сало»). Однако здесь встает еще один вопрос, который мы здесь рассматривать не будем: о разграничении вариантов одного анекдота и нескольких разных, хотя и похожих анекдотов.

Мы кратко коснулись этого вопроса в уже упомянутой книге [Шмелева, Шмелев 2002: 115], где отметили, что «решающую роль играют восприятие участников коммуникативной ситуации, отражаемое, в частности, в метатекстовом вводе» (*А был еще похожий анекдот или А я знаю этот анекдот в другом варианте*). Разумеется, восприятие разных людей может не совпадать. Так, следующая пара примеров иногда воспринимается как варианты одного анекдота; однако скорее это все же два разных анекдота (поскольку только во второй версии появляется мотив попытки абсурдного отождествления обнаруженного убитого с собеседником и установление невозможности такого отождествления на основе совершенно случайного признака):

существенное отклонение от него, когда мы на стр. 110 воспроизвели анекдот о равнине, у которого пропал велосипед, вместе со всеми словами-паразитами и другими индивидуальными речевыми особенностями, относящимися к конкретному акту его реализации, вызвало справедливое замечание О.В. Смолицкой в ее рецензии, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение» [Смолицкая 2003]. Впрочем, на стр. 114 нашей книги мы отметили, что данный анекдот мог бы быть рассказан в иной манере (в частности, без «паразитических» словечек *вот, тина*).

- (1) Проходит в тундре обмен паспортов. Милиционерам неохота объезжать все стойбища, собирать фотографии. Они думают: «Все чукчи на одно лицо. Можно одного сфотографировать, и эту фотографию во все паспорта наклеить». Так и сделали. И вот раздают милиционеры паспорта, один чукча взял, другой, третий. И вдруг один говорит: «Начальник, однако паспорта не моя». Ну, паспортисты испугались, что сейчас их обман обнаружится, давай чукчу уговаривать: «Как это не твой паспорт? Посмотри на фотографию, разве это не твое лицо?» — «Лицо-то моя, начальник, — говорит чукча, — кухлянка, однако, не моя!»
- (2) Два охотника постучали в дверь дома чукчи. «Привет, чукча!» — «Привет, однако». — «Мы только что обнаружили в лесу тело убитого и подумали, что, может быть, это ты...» — «А как он выглядит?» — «Да примерно такого же роста». — «В красной фланелевой рубашке?» — «Нет, в коричневой». — «Тогда это не я, однако».

2. Интертекстуальные связи между анекдотами

От варьирования анекдота следует отличать интертекстуальные связи между анекдотами, а также случаи, когда уже существующий анекдот получает продолжение. Интертекстуальные связи между анекдотами были рассмотрены нами ранее (см. [Шмелева, Шмелев 2002: 125]), и суть их состоит в том, что некоторый анекдот не понятен без отсылки к другому анекдоту, который предположительно входит в общий фонд знаний слушателей. В случае если рассказчик сомневается, что исходный анекдот известен данной аудитории, он либо отказывается от рассказывания «вторичного» анекдота, либо предваряет рассказывание вопросом: «Помните, был такой анекдот?» В базе данных исходные анекдоты выступают как самостоятельные единицы, хотя после них имеется отсылка к вторичному анекдоту или вторичным анекдотам. А для вторичных анекдотов с самого начала сообщается, что это вторичный анекдот, и он предваряется отсылкой к исходному анекдоту.

Несколько иной тип интертекстуальных связей обнаруживается, когда исходный анекдот просто получает продолжение. Если в первом случае, рассказчик в норме не рассказывает исходный анекдот, то в случае продолжающихся анекдотов рассказчик рассказывает весь анекдот целиком, добавляя в него новую концовку. Тем самым в этом случае от аудитории не требуется знания исходного анекдота. Правда, в процессе рассказывания может оказыв-

ся, что слушатели помнят исходный анекдот и начинают останавливать рассказчика, подозревая, что он пытается рассказать им анекдот «с бородой». В этом случае рассказчик может редуцировать рассказывание исходного анекдота и быстро перейти к концовке².

Продолжение анекдота весьма характерно для анекдотов о политике разных правителей или о том, как разные правители ведут себя в сходных ситуациях (при этом последовательность, в которой фигурируют правители, в норме соответствует исторической последовательности их правления). Появляется новый правитель, его правление характеризуется теми или иными особенностями, и анекдот получает продолжение.

В анекдотах с продолжением также может иметь место варьирование. Так, в начале 1960-х гг. рассказывался (с незначительным варьированием) следующий анекдот о том, на каком транспорте советский народ двигался к коммунизму:

- (3) При Ленине — как на поезде через туннель: вокруг темно, а впереди свет. При Сталине — как в трамвае: один ведет, а остальные — кто сидит, кто трясется. При Хрущеве — как в аэроплане: один ведет, всех остальных тошнит, а выйти некуда.

Позднее у анекдота появилось продолжение:

- (4) При Брежневе — как в такси: чем дальше, тем дороже.

Однако в то же самое время существовал и другой вариант продолжения этого анекдота, зафиксированный, напр., в известной книге [Штурман, Тиктин 1987: 165]:

- (5) Теперь — как в космосе. Неизвестно зачем, неизвестно куда и опереться не на что.

Упомянем также анекдот о том, как поезд, идущий в коммунизм стал, потому что кончились рельсы, и как на это реагировали разные руководители (варианты этого анекдота были приведены в книге [Шмелева, Шмелев 2002: 129] и в статье [Шмелева, Шмелев 2007: 239–240]). Первоначально анекдот заканчивался реакцией Хрущева, приказавшего

² В некоторых случаях исходный анекдот всегда цитируется полностью. Во время «перестройки» возник анекдот: *Сначала будет перестройка, затем перестрелка, затем перепись оставшегося населения.* Когда в 2002 г. проводилась перепись населения России, появилось продолжение анекдота, которое рассказывалось в следующем виде: *Помнишь, во время перестройки был такой анекдот, что сначала будет перестройка, затем перестрелка, затем перепись оставшегося населения. Ура, прорвались!*

разбирать рельсы сзади поезда и класть их спереди, а затем с каждым новым руководителем (в некоторых вариантах Андропов и Черненко пропускались) анекдот получал продолжение.

В базе данных анекдоты «с продолжением» подаются как одно вхождение, но с соответствующей разметкой; приводится исходный анекдот (разумеется, указываются варианты «канонического» текста), а затем указываются его продолжения. Если в анекдоте есть факультативные части, то они особым образом помечаются.

3. Модификация исходного анекдота

Иногда появление продолжения приводит к тому, что «исходный» вариант анекдота несколько видоизменяется. Проиллюстрируем это на примере анекдота о том, как разные руководители комментировали сказку о мухе-цокотухе. Ряд вариантов этого анекдота приведен со ссылкой на сборник [Krikmann 2004] и проанализирован в статье [Неклюдов 2007]. Приведем его в том виде, в каком мы слышали его в начале 1984 г. (отвлекаясь от индивидуальных особенностей конкретных актов рассказывания, т. е. реконструируя «канонический вариант»):

- (6) Приходит Корней Чуковский к Ленину. «Владимир Ильич! Я стихотворение написал. Хотел бы его опубликовать». — «Ну, читайте». — «Муха, Муха, цокотуха, / Позолоченное брюхо, / Муха по полю пошла, / Муха денежку нашла. / Пошла Муха на базар / И купила самовар...» — «Стоп, стоп. Товарищ Чуковский! Почему на база, а не в коопе'атив? Это политическая ошибка. Пе'епишите стихотво'ение!» Приходит Чуковский к Сталину. «Товарищ Сталин! Я стихотворение написал, хотел бы его опубликовать». — «Ну, читайте». — «Муха, Муха, цокотуха, / Позолоченное брюхо, / Муха по полю пошла, / Муха денежку нашла...» — «Стоп, стоп. Товарищ Чуковский! У нас дэнги на полэ нэ валяются. Перепишите стихотворение». Приходит Чуковский к Хрущеву с той же просьбой. Начинает читать: «Муха, Муха, цокотуха, / Позолоченное брюхо, / Муха по полю пошла...» — «Стоп, стоп. Товарищ Чуковский! Если каждый будет шастать по колхозному полю, у нас кукуруза не уродится. Исправьте». Приходит Чуковский к Брежневу с новой редакцией стихотворения. «Муха, Муха, цокотуха, / Позолоченное брюхо...» — «Стоп, стоп. Товарищ Чуковский! У нас в стране каждый грамм золота на счету, а у вас какая-то муха с позолоченным брюхом. И что это значит — позолоченное брюхо?! На кого вы намекаете? Чем это вам наши Герои Социалистического Труда мух напоминают?! Перепишите». Приходит Чу-

ковский к Андропову. «Юрий Владимирович! Никак не могу опубликовать стихотворение, помогите». — «Ну, читайте». — «Муха, Муха, цокотуха...» — «Какая такая ЦэКатуха? Что вы там про ЦК сказали?!»

Разумеется, для рассказывания анекдота совершенно безразлично то, что на самом деле Корней Чуковский умер раньше Брежнева, так что к Андропову он приходил никак не мог: для анекдотов смешение временных планов является нормой [Шмелёва, Шмелёв 2002: 14].

Краткое правление Черненко, насколько нам известно, не привело к появлению у этого анекдота каких-либо продолжений, а при Горбачеве продолжение появилось:

- (7) Наступила гласность. Идет Чуковский к Горбачеву и говорит: «Я стихотворение написал, а мне все не давали опубликовать». — «Читай». — «Муха, муха...» — «Это кто там под мухой? Мы тут с пьянством боремся! Нет, не пойдет».

Мы видим, что текст, с которым Чуковский приходит к каждому следующему вождю, все более сокращается, и кажется, что на Горбачеве уже достигнут предел. Тем не менее в 1990-е гг. появилось дальнейшее продолжение этого анекдота:

- (8) Развалился Советский Союз. Идет Чуковский к Ельцину и говорит: «Я стихотворение написал, а коммунисты запрещали публиковать». — «А нам вообще поэты не нужны!»

И, наконец, уже в годы президентства Путина, после принятия «нового старого гимна» у анекдота появилось несколько неожиданное продолжение:

- (9) Приходит Михалков к Путину и говорит: «Я стихотворение написал, никак опубликовать не могу». — «Читайте!» — «Муха, муха, цокотуха, / Позолоченное брюхо. / Муха по полю пошла, / Муха денежку нашла. / Пошла муха на базар / И купила самовар!» — «Замечательные стихи!» И дал Путин Михалкову медаль за прославление рыночной экономики и недр России, которые богаты золотом, нефтью и газом.

Появление Михалкова должно быть как-то мотивировано; поэтому, как правило, при рассказывании анекдота в этой, самой последней версии с самого начала говорится: *Написали Чуковский и Михалков стихотворение, приходят к Ленину...* Далее в какой-то момент (чаще всего — начиная с Брежнева) Михалков начинает приходиться к вождям один, но все же говорит: *Мы тут с Чуковским стихотворение написали*; но в заключительном эпизоде, в разговоре с Путиным вместо местоимения *мы* он уже

говорит: я. Здесь можно видеть намек на историю советского (resp. российского) гимна: в качестве автора «сталинской» и «брежневской» версий указывались Михалков и Эль-Регистан, а автором «путинской» версии является уже один Михалков. Примечательно, что при таком продолжении новыми красками играет и фраза анекдотического Ельцина «нам вообще поэты не нужны»: все помнят, что при Ельцине гимн России был без слов (ср. [Неклюдов 2007: 39–40]).

4. Добавления к исходному анекдоту

Несколько иной тип продолжений анекдота имеет место в тех случаях, когда к анекдоту добавляется новая концовка. В этом случае «соль» анекдота может состоять в обманутых ожиданиях слушателей, которые считают, что они знакомы с анекдотом — но выясняется, что они не знают самого главного (а слушатели, незнакомые с исходным анекдотом, могут считать, что он закончен, но выясняется, что самое главное еще впереди). Некоторые примеры таких добавлений были приведены в нашей книге [Шмелева, Шмелев 2002: 124–125, 128–129]. Приведем еще пример. Во второй половине 1920-х гг. рассказывали следующий анекдот:

- (10) В какие игры играют кремлевские вожди? — Рыков — в пьяницу, Крупская — в Акульку, Сталин — в короли, а Калинин — в дурака.

Ср. иную версию этого анекдота, с добавлением:

- (11) В какие игры играют кремлевские вожди? — Рыков — в пьяницу, Крупская — в Акульку, Сталин — в короли, Калинин — в дурака, а Ленин уже сыграл в ящик.

Иногда добавление может быть значительным, равным по продолжительности исходному анекдоту. Так, известен (и часто цитируется) анекдот о трех путешественниках, попавших в плен к людоедам (в другом варианте — к инопланетянам):

- (12) Поймали дикари трех путешественников: американца, индуса и русского — и говорят: «Кто сможет удивить и развеселить нашего вождя, того отпустим, а остальных — съедем!» Дают они каждому по два титановых шарика и сажают на ночь в бетонный бункер. Утром вождь делает обход. Заходит к американцу, а у него шарик по полу катаются, сталкиваются, выдвигают разные фигуры. Вождь посмотрел: не интересно! Ну и сожрали его. Заходит к индусу — а тот сидит медитирует, шарик у него

вокруг головы летают. Не интересно! Тоже пошел на суп. Заходит к русскому: через две минуты вываливается из камеры от хохота. У вождя спрашивают: что ж он такое придумал? Вождь: «Да этот придурок один шарик потерял, а второй — сломал!!!»

В какой-то момент к этому анекдоту было сделано добавление (впрочем, по общему мнению, оно уступает исходному анекдоту):

- (13) Через какое-то время снова поймали те людоеды трех путешественников: на этот раз итальянца, англичанина и опять русского. Ну и дали им титановые шарики на тех же условиях, то есть того, кто сделает с ними что-то для них удивительное, отпустят. Только для разнообразия не два, как в прошлый раз, а три. Итальянец шариками жонглировать начал, чем дикарей удивил: тремя шариками жонглировать гораздо труднее, чем двумя. Англичанин игру настольную изобрел типа бильярда: оказалось, что тремя шариками играть гораздо интереснее. Но отпустили все же русского. То, что он один шарик потерял, а другой сломал, дикарей не особо удивило: в прошлый раз то же самое было. Но вот как он, находясь в бетонном бункере, умудрился третий шарик пропить — этот вопрос мучит их до сих пор.

Часто добавление делается к мультинациональным анекдотам — как разные народы ведут себя в тех или иных ситуациях, как невероятных, так и вполне реальных: на курорте или на необитаемом острове, при встрече с женой или с джинном. Число народов может варьироваться рассказчиком в зависимости от аудитории или увеличиваться, если по тем или иным причинам актуализуются отношения с каким-то народом, но последним в норме все равно оказывается родной народ рассказчика, реакция и поведение которого и составляют пуанту анекдота. Однако в русских анекдотах после русских иногда появляются представители еще какого-то народа (чаще всего еврей). Так, анекдот о том, что говорят представительницы разных народов после первой брачной ночи, в исходном варианте заканчивался фразой русской: *А душу мою ты так и не понял!* Добавление к анекдоту — фраза еврейки: *Тут болит, там болит!* [Шмелева, Шмелев 2002: 82, 129]. Ср. аналогичный пример:

- (14) У англичанина есть жена и любовница, но любит он только жену. У немца есть жена и любовница, но любит он любовницу. У француза есть жена и любовница, а любит он обеих. У русско-го есть жена и любовница, а любит он водку.

Добавление к анекдоту:

- (15) У еврея есть жена и любовница, а любит он маму.

Сходным образом получил добавление и следующий анекдот советского времени:

- (16) Один англичанин — джентльмен, два англичанина — пари, три англичанина — парламент. Один француз — любовник, два — дуэль, три — революция. Один немец — солдат, два немца — два солдата, три немца — три солдата. Один русский — пьяница, два — драка, три — первичная парторганизация.

Добавление:

- (17) Один еврей — завмаг, два — матч на первенство мира по шахматам, три — русский симфонический оркестр.

Реже добавление бывает связано с каким-то другим народом, как в анекдоте о книгах, которые представители разных народов публиковали о слонах. Исходный анекдот завершился сообщением о советском трехтомнике (название первого тома стало крылатой фразой — «Россия — родина слонов»); однако затем анекдот получил добавление, в соответствии с которым в Болгарии был перепечатан советский трехтомник и к нему был добавлен четвертый том — «Болгарский слон — младший брат советского слона» [Шмелева, Шмелев 2002: 124]. Ср. также изредка встречавшиеся в советское время добавления к вышеприведенному анекдоту об одном, двух и трех представителях разных народов:

- (18) Один украинец — разбойник, два — партизанский отряд, три — партизанский отряд с предателем.
 (19) Один грузин — Сталин, другой грузин — Берия, третьего пока не было.

Иногда добавление представителей некоторого народа бывает связано с тем, что анекдот имеет хождение в соответствующей среде. Приведем версии анекдота, в которых фигурируют один, два и три представителя разных народов, имевшие хождение в среде русских, живущих в Молдавии и Венгрии (но получившие некоторое распространение и в российской городской среде):

- (20) Один русский — пьяница, два — драка, три — первичная партиячейка. Один еврей — завмаг, два — матч на первенство мира по шахматам, три — оркестр молдавских народных инструментов. Один молдаванин — дурак, два молдаванина — два дурака, три молдаванина — Молдавская академия наук.

- (21) Один француз — бабник, два — дуэль, три — революция. Один немец — педант, два — завод, три — война. Один русский — пьяница, два — драка, три — администрация. Один еврей — завмаг, два — матч на первенство мира по шахматам, три — Русский национальный банк. Один венгр — просто венгр, два — политическая партия, три — не бывает, один из них либо еврей, либо немец.

В базе данных анекдоты с добавлениями подаются так же, как анекдоты с продолжением, т. е. как одно вхождение, но с соответствующей разметкой.

5. Серийные анекдоты

Длинный анекдот, возникший в результате соединения ряда однотипных добавлений, может превращаться в серию анекдотов. Так, приведенный выше анекдот состоящий из однотипных частей, построенных по схеме «Один X — это ..., два X-а — это ..., три X-а — это ...» может рассматриваться как серия однотипных анекдотов. С другой стороны, однотипные серийные анекдоты могут соединяться в один длинный анекдот. Так, серия анекдотов, в которых армянскому радио задается вопрос: «Можно ли построить коммунизм в Армении, Израиле, Швейцарии и т. п.?»; иногда объединяется в один анекдот, который завершается вопросом: «А можно ли вообще построить коммунизм?» (ответ: «Построить-то можно, но выжить при нем нельзя!»). Вообще говоря, не так важно, имеет ли место соединение однотипных анекдотов в один или разбиение длинных анекдотов на серию однотипных анекдотов. Поскольку держать в памяти и рассказывать длинные анекдоты бывает «неудобно», в некоторых случаях объединение анекдотов происходит преимущественно на письме (например, в Интернете), а люди рассказывают отдельные короткие анекдоты. Но поскольку во многих компаниях принято рассказывать анекдоты один за другим (есть даже особое название для такого рассказывания анекдотов «травить анекдоты»), то часто один анекдот серии «цепляет» за собой другие.

Главное отличие серии однотипных анекдотов и длинного анекдота, состоящего из однотипных частей, заключается в следующем. Серийные анекдоты «равноправны» и в ситуации, когда «травят» анекдоты, они могут следовать друг за другом в каком угодно порядке (причем разные анекдоты серии могут рассказываться разными людьми), а анекдот, состоящий из однотипных частей, предполагает «ударную» концовку и тем самым порядок следования его частей не является произвольным. Поэтому, если нет анекдота, претендующего на роль «ударного», завершающего, то мы имеем дело с серией

(как в случае серии «Сколько надо Х-ов, чтобы вкрутить лампочку?»), если есть — то это скорее длинный анекдот с ударной концовкой. Однако в сериях обычно есть некоторое число исходных анекдотов, а затем могут появиться вторичные анекдоты, предполагающие знание исходных.

Серию анекдотов следует отличать от цикла. Анекдоты объединяются в цикл по персонажам. Каждый анекдот цикла автономен, хотя предполагает, что слушатели имеют какое-то представление о свойствах основного персонажа. Поэтому анекдоты одного цикла, как правило, не соединяются в один длинный анекдот. Анекдоты одной серии имеют схожее формальное строение и, как правило, рассказываются друг за другом; поэтому серия анекдотов часто воспринимается как один длинный анекдот и именно таким образом передается при письменной фиксации.

Иными словами, анекдоты одного цикла — это анекдоты с постоянными персонажами, но имеющие совсем разную структуру («анекдоты о Штир-

лице», «анекдоты о Вовочке», «анекдоты о чукче», «анекдоты о новых русских» и т. д.), а анекдоты одной серии — это анекдоты тождественной структуры, но с переменными персонажами. Этим и определяется их различное представление в базе данных.

6. Заключительные замечания

Разграничения и понятия, обсуждавшиеся в данной статье (разные реализации одного анекдота, варианты одного анекдота, похожие анекдоты, интертекстуальные связи между анекдотами, продолжение исходного анекдота, модификация исходного анекдота, добавление к исходному анекдоту, серия анекдотов, цикл анекдотов) могут показаться схоластическими. Однако они необходимы для принятия решений при создании и индексации базы данных русских анекдотов.

Литература

1. Неклюдов С. Ю. Происхождение анекдота: «Муха-цокотуха» под судом советских вождей // *Post-Socialist Jokelore* — Постсоциалистический анекдот. International symposium — Международный симпозиум. January 15th–16th 2007 — 15–16 января 2007. Tartu, 2007. С. 37–42 (препринт).
2. Смолицкая О. [рец.:] Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М., 2002 // *Новое литературное обозрение*, 2003, № 64. С. 377–380.
3. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. // М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Анекдот в современной русской речи: интертекстуальные связи // *Вопросы культуры речи*. Вып. 9. М.: 2007. С. 226–242
5. Штурман Д., Тиктин С. (сост.) Советский Союз в зеркале политического анекдота. // Иерусалим: Экспресс, 1987.
6. Krikmann A. (ред. и сост.) *Netinalji Stalinist* — Интернет-анекдоты о Сталине — *Internet humor about Stalin*. Арво Крикманн. Тарту, 2004.